

Шабо

Осенью этого года исполняется 185 лет со времени основания уникальной швейцарской колонии в с. Шабо Белгород-Днестровского района.

Основанное турками, это село благодаря песчаным берегам лимана и климату, благоприятному для произрастания виноградников, известно более чем восьмьюдесятью сортами винограда — некоторые из них были привезены сюда и культивировались турками. Первые виноградные сады около Аккермана были разведены еще греками, а также генуэзцами. Первый письменный источник, подтверждающий существование населенного пункта, — географическая карта Валахии, Молдавии и Бессарабии, составленная в 1788 году.

В первом десятилетии XIX в. в Шабо насчитывалось всего 28 жителей. Они продолжали заниматься виноградарством. Интенсивное заселение этой местности, длительное время подвергавшейся нападениям турецко-татарских орд, началось с победным завершением русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Еще до присоединения Бессарабии русское правительство начало воплощать мысль о насаждении на юге виноградарства. Присоединение Бессарабии с ее богатыми садами и виноградниками заставило обратить на эту ценную статью хозяйства новой провинции самое серьезное внимание, в особенности непосредственно позже 1812 г., когда значительные массы мусульманского населения оставили край, и сады и виноградники были брошены и стали гибнуть. Однако прошло несколько лет, прежде чем Бессарабией занялись надлежащим образом: борьба с Наполеоном и ряд других сложных вопросов отвлекли внимание и силы правительства.

В 1807 г. в Шабо переселили несколько десятков семей из близлежащих сел. К 1820 году здесь проживали 275 человек — 172 украинца и 103 молдаванина. Но добиться заметных успехов в условиях феодально-крепостнической системы и при отсутствии у большинства должного опыта возделывания винограда у переселенцев не получалось. Так как заниматься хлебопашеством на песчаных землях Приднестровья они не могли, то их преимущественным занятием сделалось рыболовство. По договору с откупщиками рыбных ловель они продавали рыбу. Часть из них нанималась также на работу к аккерманским чиновникам и прочим жителям.

Для сохранения и развития виноградников, а также для улучшения культуры виноделия и были приглашены императором Александром I

швейцарские французы, основавшие колонию, непосредственно граничившую с Шабо. Эта колония была организована при содействии Фредерика Сезара де ля Гарпа (Frédéric-César de la Harpe), наставника Александра I (в течение 10 лет занимался с будущим императором французским языком, историей и географией, а после женитьбы императора был его советником), выходца из Швейцарии, из кантона Во (Vaud). Бывший наставник не только обратил внимание воспитанника на своих соотечественников, но и настоял на привлечении их в Россию и выступил при переговорах в роли посредника.

Швейцарский журналист Оливье Грива в своей книге о колонии Шабо "Швейцарские виноделы царя", вышедшей в 1993 году, пишет так об идее основания винодельческой колонии в Бессарабии: "...ля Гарп был советником царя Александра I с 1814 по 1816 год. И благодаря его влиянию и влиянию генерала Жомини на Венском конгрессе в 1815 году из 19 швейцарских кантонов (округов) была образована швейцарская конфедерация... Одним из кантонов был Во. После возвращения в Во ля Гарп, который являлся депутатом Великого совета Во, обращается к русскому царю со следующим письмом: "Господин де Салоз рассказал, что в Бессарабии произрастает государственный виноградник, коим сильно пренебрегают. Об этом информированы виноградари моей страны, и если правительство даст свое согласие и разрешение, то они обратятся с просьбой позволить им работать на этих землях... И возможность приехать в Бессарабию им улыбается больше, чем для основания своего поселения ехать в Бразилию или Америку. Они хотели бы получить уверенность в возможности улучшения своей судьбы, своей работы...".

Это письмо было отправлено в 1819 году. Согласие российского императора получено. Главный ветеринар в южных губерниях Российской империи де Салоз, выходец из Швейцарии, составил и предложил своим соотечественникам условия поселения на аккерманских виноградниках, предусматривающие, что если четыре депутата сочтут местность подходящей, то два из них вернутся, чтобы осуществить необходимые приготовления, а два других — чтобы давать полезные советы и служить проводниками. В предисловии к книге О. Грива отмечает: "Ни одной строчки не посвящено этому таинственному "Шабо" в книжках о швейцарской истории... В то же время Шабо — единственная колония, которая существовала в истории Швейцарии. С согласия русского царя эти земли предназначались "для всякого швейцарца с репутацией честного и хорошего земледельца, который мог быть полезен коммуне каким-либо мастерством".

Однако на территории Российской империи существовала еще одна швейцарская колония — Цюрихталь Крымского водворения — с немецкоязычным населением.

Еще в 1846 году одна из основных улиц колонии Шабо называлась Лягарповская.

Период конца XVIII — начала XIX вв. известен как время большого наплыва колонистов в южные земли России. В Южную Бессарабию (Буджак) переселились, в основном, болгары, гагаузы и немцы. В 1841 году здесь было 83 болгарские колонии, 23 немецкие и одна швейцарская, в с. Шабо. Это единственная швейцарская колония с франкоязычным населением на территории России.

Топоним Шабо существовал значительно раньше швейцарской колонии. Это слово турецкого происхождения и означает оно *нижние сады*, названные так сравнительно с более северными садами Аккермана, расположенными, к тому же, на более возвышенном месте, чем Шабо. Во времена турецко-татарского владычества это слово звучало, по-видимому, *Acha-Abag* (*нижние сады*). Почему в русском языке произошло изменение конечного *a* на *o*, до конца неясно. Некоторые местные старожилы уверяют, и не без основания, что изменение конечного *a* на *o* было сделано по инициативе самих колонистов, желавших как бы "офранцузить" ставшее непонятным слово. Соответственно, в произношении можно иногда услышать Шабо наряду с Шаба, особенно в устах людей, знающих или знавших французский язык. В основном, ударение остается на первом слоге: Шабо.

Хотя фактически это было одно и то же село, с переездом швейцарцев стали различать Шабо-посад и Шабо-колонию, тем более что колонисты жили долгое время обособленно и замкнуто. О дате основания колонии в литературе существуют самые различные мнения.

Наиболее достоверным источником для истории этой колонии является изданная в Аккермане книга Андре Ансельма (A. Anselme. La colonie suisse de Chabag (Bessarabie). Notice historique 1822-1922. — Cetatea-Alba, 1925). Книга А. Ансельма была издана незначительным тиражом в 300 экземпляров и является сейчас библиографической редкостью, чем, по-видимому, и объясняется то, что последующие историки и авторы работ о с. Шабо не имели возможности ее использовать. А. Ансельм был швейцарским колонистом, инженером по образованию, и при написании этой работы использовал архивные материалы колонии, которые погибли во время Великой Отечественной войны. Эта книга была издана в связи со 100-летием колонии, которое отмечалось 10 ноября 1922 года. Таким

образом, устанавливается с глубокой достоверностью, что первые колонисты прибыли в Шабо осенью 1822 г. Этот же год упоминается в книге, написанной другим колонистом — М. Бюньоном (M. Bugnon. *La Bessarabie ancienne et moderne*. Lausanne — Odessa, 1846, p. 188).

В Госархиве Одесской области (далее ГАОО) хранятся документы по истории колонии Шабо. Они немногочисленны и отложились, в основном, в фондах управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России, образованного в 1818 г. в связи с увеличением количества иностранных поселенцев и ведавшего управлением всех иностранных колоний.

Идея переселения в Россию была встречена в Швейцарии сочувственно, так как страна переживала в тот момент серьезные экономические затруднения. Первым решившим перебраться в Россию был Луи Венсан Тардан (Tardent) из Верхнего Ормона (Ormonts-dessus, родился в Вевэ (Vevey), Кантон Во в 1787 г., умер в 1836 г.), педагог, ученый-ботаник, виноградарь, член Гельветического общества естественных наук, эрудит, человек высокой культуры (привез с собой в Россию 400 работ своей библиотеки, гравюры, эстампы, музыкальные инструменты — скрипку и лиру), соратник и друг великого Песталоцци. Личность основателя колонии Тардана была основой успеха этой колонии. К большому сожалению, не существует ни одного портретного изображения Тардана, — в отличие от его жены Урани Сюзанны Генриетты Гранжан, портрет которой (в возрасте 19-ти лет) принадлежит сейчас наследникам Тарданов, живущим в Австралии.

Тардан собрал группу из нескольких виноградарей, согласившихся на переселение в Россию. Группа организовалась в 1820 г. и после обсуждения вопроса отправила на разведку самого Тардана. Тардан обращался к полномочному наместнику Бесарабии А.Н. Бахметеву: "Мой соотечественник и мой друг господин Салоз... сообщил мне о виноградниках в Аккермане, которые принадлежат правительству... Этот виноградник не ухожен и сегодня почти покинут, он нуждается в улучшении и мог бы представить большую пользу... для России и поэтому... если ваше правительство заинтересовано в этих виноградниках, то нужно тридцать виноградарей, трудолюбивых отцов семейств... мы имеем больше мужества, чем денежных средств, чтобы не только оплатить расходы по нашему путешествию, но и организовать в этом месте прочное и выгодное хозяйство..." (письмо от 19 декабря 1819 г.).

Прибыв в Одессу, Тардан просил Бахметева разрешить ему осмотреть местность. Л.В. Тардан, поселившийся в с. Шабо рядом с Покровской цер-

ковью и проживавший там некоторое время, нашел этот край достаточно богатым и довольно благоприятным для учреждения здесь швейцарской колонии. Из донесения председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России И.Н. Инзова управляющему министерством внутренних дел графу В.П. Кочубею: "...Означенный депутат (Тардан), являсь ко мне, изъяснил предложения на счет желания швейцарских виноградчиков произвести поселение их в Бессарабской области. По поводу сего я предоставлял ему обозреть лично просимое им для водворения швейцарцев место близ Аккермана. Он, исполнив сие и удостоверясь к поселению виноградчиков, предоставил ко мне описание местоположения с изъяснением, какие места при заселении для какого употребления могут быть обращены..."

Учитывая, что границы Южной Бессарабии надежно обеспечены от турецкого вторжения, Л.В. Тардан ходатайствовал об отводе для своих соотечественников береговой полосы Днестра в районе Аккермана. При этом он заверил русское правительство, что колонисты сумеют завести здесь производство лучших швейцарских вин. Будучи знатоком виноградного дела, Л.В. Тардан, по-видимому, был уже известен окружающим жителям, среди которых были и французы. Так, в Шабо еще до приезда Тардана недалеко от его будущего дома жил врач Невери, по происхождению француз, а в Аккермане комендантом замка был француз подполковник Кюрто, петербургский знакомый А.С. Пушкина.

А.С. Пушкин приезжал в Шабо в декабре 1821 года и посетил здесь основоположника колонии Л.В. Тардана. Находясь в ссылке в Кишиневе (сентябрь 1820 — июль 1823 гг.), он изъявил желание сопутствовать своему другу И.П. Липранди, автору военно-исторических, публицистических и библиографических работ, бывшему тогда полковником Якутского пехотного полка, в поездке в Измаил и в Аккерман, где Липранди по поручению генерала Орлова должен был произвести следствие в 31-м и 32-м егерских полках. В Аккермане А.С. Пушкин и И.П. Липранди были с 12 по 14 декабря 1821 г. и остановились у командира 32-го егерского полка А.Г. Непенина, на доме которого до сих пор имеется мемориальная доска в честь посещения его А.С. Пушкиным.

В Шабо у Л.В. Тардана А.С. Пушкин был утром 14 декабря. Подробности этого посещения известны из дневника и воспоминаний И.П. Липранди, где он пишет: "В Аккермане мы заехали прямо к полковому командиру Андрею Григорьевичу Непенину (старому моему соратнику и бывшему в 1812 и 1815 годах адъютантом у князя Щербатова) и поспе-

ли к самому обеду, где Пушкин встретил своего петербургского знакомого подполковника Кюрто, кажется, бывшего его учителем фехтования и месяца за два назначенного комендантом Аккерманского замка на место полковника фон Тройфа.

Поутру мне хотелось повидаться со швейцарцем Тарданом, учредившим колонию в деревне Шаба, в 3 верстах от Аккермана. Пушкин поехал со мной. Тардан ему очень понравился, а Пушкин Тардану, удовлетворявшему бесчисленные вопросы моего спутника. Мы пробыли два часа и взяли Тардана с собой обедать к Непенину. Отобедав, выехали в шесть часов в Измаил".

В 1946 году Лягарповская улица была переименована в Пушкинскую в связи с посещением А.С. Пушкина колонии.

Л.В. Тардан, изучив на месте обстановку и торопя своих единомышленников с отъездом, писал: "...О, если б вы знали, сколько несчастных людей нашли бы здесь средства для жизни! Мы в своей Швейцарии думаем, что нет страны лучше, — это заблуждение. Там мы получаем плоды труда, затрачивая много времени и сил, а здесь погода почти все время прекрасная, земли плодородные, легко обрабатываемые, много скота и по низким ценам. Зима не была страшной с 1812 года. Снега мало. Уже в марте можно раскрывать и подрезать виноградники".

Л.В. Тардан не зря упомянул зиму 1812 года. Испытавшая на себе свирепые морозы и метели, разбитая армия Наполеона разнесла по всему миру слух о невыносимой стуже, царящей всю долгую зиму на просторах России. Впечатления его, которыми он письменно поделился со своими земляками, были положительными, но это не смогло рассеять сомнения, овладевшие швейцарцами после отъезда Л.В. Тардана. Видя, что никто не трогается с места, в 1822 г. он решил вернуться в Швейцарию и сделал членам группы доклад, устранивший их колебания. Отважному ученому потребовалось привлечь убедительные аргументы, чтобы развеять страхи соотечественников, после чего в июле 1822 года первая партия двинулась в путь через Буковину на Кишинев. В своем письме к генералу И.Н. Инзову от 25 июня 1822 г. Тардан сообщал об их прибытии к середине сентября и выражал надежду на его покровительство.

В ее состав входили кроме семьи Тардана (жена и 7 детей): аптекарь Даниель Берже (Berger, вернувшийся в 1825 г. в Швейцарию), Жак Самюэль Шевалле (Chevalley, родом из Рива), Жан-Луи Герри (Guerry, из Турле-Лейлоз), Франсуа Нуар (Noir, из Лозанны), Жан-Луи Плантен (Plantin, позже перешедший на службу к губернатору Крупенскому) и садовод Генрих Цвикки (Zwicki, из Карентца, кантон Гларус). К этой первой

группе присоединился живший уже ранее в Аккермане, где занимался торговлей, Жорт Тестю (Testuz, из Рива). К числу первых подписавших договор о переселении относится и Шарль Огюст Гранжан (Grandjean, тещь Тардана, из Бютт, Невшатель). Договор был заключен у нотариуса Жентона в Вевз; согласно условиям, каждый колонист должен был иметь при себе Библию и карабин.

В Государственном архиве Одесской области сохранился уникальный документ — рапорт Новоселицкой пограничной таможни И.Н. Инзову о прибытии швейцарских переселенцев, датированный [26] сентября 1822 года (число месяца повреждено после проведенной реставрации, до реставрации дата была читаема): "Прибывшие вчерашнего числа из-за границы к посту сей таможни по 8 паспортам г.[осподина] действительного статского советника барона Криднера швейцарцы обоего пола в числе 24 душ четырьмя повозками, семью лошадьми с надлежащей таможенной надписью на их письменных видах, во исполнение предписания вашего высокопревосходительства, пропущены беззадержно с тем, чтобы по прибытии в город Кишинев явились в канцелярию вашего высокопревосходительства...". Именно этот архивный документ, поступивший в канцелярию И.Н. Инзова 2 октября 1822 года, устанавливает точное время прибытия швейцарских переселенцев в Россию.

Ценное свидетельство об этом путешествии — дневник жены Тардана, которая записывала свои впечатления в маленькой записной книжке. В ее описании этот длинный путь выглядел хорошо организованным путешествием, поскольку во главе каравана был образованный человек — ее муж. Дневник также хранится сейчас у австралийских потомков Тарданов.

Л.В. Тардан в письме описал трудности дальнего пути и встречу переселенцев на новом месте: "По приезде нашем в Кишинев, столицу Бессарабии, губернатор, почтенный генерал И.Н. Инзов, принял нас как своих детей. Он пожелал побеседовать даже с самыми незначительными из нас и проявил ко всем самый живой интерес, а так как тогда был конец года, то он отдал приказание, чтобы нас устроили на квартирах у частных лиц, в Аккермане, где мы и провели ту суровую зиму".

С этого момента начинается первый период истории новой колонии, который продолжается до 1872 года, то есть до закрытия Попечительного комитета. По замечанию О. Грива, "...Шабо — это пример хорошо развивающейся перспективной колонии, которой завидовал весь Юг России до 1918 года... Колония Шабо... сохранила свою целостность, единство, лидерство... ее первые колонисты мужественно преодолевали сначала тоску

по родине, а также засуху, холод, нерадивых чиновников... Они сумели выстоять и вести достойную плодотворную жизнь”.

В 1823 г. прибыли семьи Гербо (Guerbault) и Мейо (Meillaud), в конце 1826 г. — семьи Форне (Foreney), Кампиш (Campiche), Бессон (Besson), Мишу (Michoud) и др.; в 1828 г. — семьи Доньи (Dogny) и Лоран (Laurent); в 1829-1830 гг. — семьи Теваназа (Thévanaz), Хаклер (Hackler), Жатон (Jaton), Мьевилль (Miéville), Бюксель (Buxel), Декомба (Descombaz), затем Данц (Dantz) и Коре (Corey) и др.

В 1846 г. прибыли последние колонисты Жак Берте (Berthet), Луи Марго (Margot), Жюль Кавало.

Почти все колонисты были из кантона Во. Лишь несколько человек приехало из Берна, Эльзаса и Лотарингии (Коре) и из других мест. Последняя представительница семьи Коре, жившая в Шабо, умерла в 1959 г.

В целом, колонизация шла медленно. Швейцарцы неохотно трогались с мест, и Л.В. Тардан встречал большие трудности при заселении предоставленной колонистам территории. В письме он убеждал своих соотечественников не искать счастья в безвестных пустынях и лесах Северной Америки, а спешить на плодородные земли Новой России, где виноградные лозы, персики, шелковица поспевают рано. Дом основоположника колонии Л.В. Тардана был хорошо известен среди жителей Шабо. Одним из последних жителей этого дома была некая Ванда Михайловна Тардан, сдававшая квартиру столяру швейцарцу Жану Мишу. Дом был разрушен во время Великой Отечественной войны. До последних лет на чердаке сохранялись остатки телеги с большими деревянными колесами, на которой приехали первые швейцарские колонисты. В книге А. Ансельма помещена фотография этого дома. Около дома — Ж. Мишу. Дом был расположен в самом начале б. Александровской улицы (теперь ул. Ф. Дзержинского) по правую сторону, против Покровской церкви.

В одном из писем Л.В. Тардан пишет: "Наша деревня, которой я дал название Гельвецианополис, великолепно размещена на берегу лимана, имеется прекрасная церковь, возле которой находится мой скромный дом. У нас большой двор, огороженный стеной. Позади дома прекрасный сад, усаженный деревьями и спускающийся к плавням. Там, когда я наберусь силы, выкопаю канал, который соединится с лиманом, где у меня будет лодка, и я смогу пользоваться ею для выезда к морю через Бугаз”.

Семья Тардана была очень многочисленной. До 1941 г. здесь было три дома, принадлежавшие трем семьям Тардан. Напротив описанного дома жил Рауль Тардан. Этот дом также был разрушен во время войны. Третья

семья жила далеко от Покровской церкви, по ул. Садовой, 25. Этот дом существует и теперь.

Водворение швейцарских поселенцев было поручено главному попечителю колонистов Южного края России И.Н. Инзову, который отнесся к вопросу об их поселении с большим вниманием. Он считал, что передача запущенных садов опытным виноградарям целесообразна, прежде всего, с хозяйственной точки зрения, так как земли вдоль Днестра принесут в этом случае максимальную пользу. В то же время ему представлялось важным, чтобы эти земли остались за казной и не перешли в частные руки помещиков, как это случилось с левым берегом Днестра. И.Н. Инзов полагал, что местные жители не проиграют от перевода их с песчаных берегов Днестра на другие, пригодные для хлебопашества места, если переселенцы купят их землянки и небольшие домики. Жители вступили в переговоры с администрацией, и 50 семей вскоре дали согласие на переселение в урочище Свиная Балка, принадлежавшее Аккерману. Тем самым вопрос о размещении первой партии был решен, поскольку ей требовалось всего 15 домов.

В письме графу В.П. Кочубею от 23 ноября 1821 г. И.Н. Инзов изложил предложения о поселении швейцарских семейств: "...я нахожу весьма полезным поселение помянутых швейцаров близ Аккермана, где есть казенные сады, остающиеся без надлежащего обрабатывания, кои, при попечении сих трудолюбивых людей, могут прийти в лучшее положение. Следуя сему, я полагаю предоставить для поселения их участок казенной земли... заключающий в себе удобной земли 8244 десятины и 1362 сажня, а неудобной 1485 десятин и 1903 сажня, да сверх того сады, бесспорно казенно принадлежащие, равно присвоенные частными лицами.

...Относительно селения Шабы и хуторов Акимбета и Малой Катаржи, состоящих на пространстве, определяемом для водворения швейцарских виноградников, то жители первого, будучи большей частью приписаны к городу Аккерману и отбывая наравне с тамошними обывателями повинности, желают переселиться туда и получить для содержания своего другую пустопорожнюю казенную землю, более способную для хлебопашества, а хозяева последних без расстройств могут перенести свои заведения, впрочем, весьма незначительные, на другой участок казенной земли".

И.Н. Инзов и в дальнейшем участливо и доброжелательно относился к поселенцам, не переставал заботиться о них. Из его письма графу М.С. Воронцову от 19 августа 1825 г.: "...состоящие на местах водворения швейцарцы не только что с хорошим успехом обрабатывают виноградные свои сады, но даже с большей рачительностью стараются о размножении

оних, в чем они приметно успели... общество поселившихся швейцарцев удостоверяет, что они непременно ожидают прибытия своих собратий... я покорнейше прошу распоряжения вашего, дабы назначенные сверх 36 садов, поступивших уже в колониальное ведомство, 76 садов, состоящие в смежности с первыми, не были определены в продажу Бессарабским областным правительством, но оставались в заведывании казны... до времени, пока встретится необходимость в наделении швейцарцев по мере прибытия их на поселение...".

Цынутый* землемер поручик Маньковский в рапорте И.Н. Инзову от 6 марта 1823 г. докладывал об отмежевании земли близ города Аккермана, "назначенной для поселян швейцарских виноградчиков". Л.В. Тардан в письме к генералу И.Н. Инзову ходатайствовал об оставлении за ними Шабо и отведенной земли.

Поселенцы получили по 7-8 поз виноградников (*poses vaudaises* равно примерно 25 арам, т. е. от 1,5 до 2 гектаров) и более 200 таких же единиц плодородной земли в удобной местности, то есть превратились во владельцев небольших поместий. И.Н. Инзов намечал создание двух округов швейцарских поселений по 53 семейства в каждом. Однако в 1824 г. в списке значилось только 15 семейных и одиноких хозяйств, а всего швейцарцев — 52 человека. В 1825 г. в отчете земского приказа указано 14 самостоятельных хозяйств, состоящих из 53 человек (30 мужчин и 23 женщины). В 1827 г. было 25 семей, в 1838 г. — 43 семьи.

В посемейных списках колонистов, составленных Л.В. Тарданом и хранящихся в ГАОО, в 1823 г. указано 17 семейных и одиноких хозяйств, в 1828 г. — 29 семей, 94 колониста (48 мужчин и 46 женщин), в 1852 г. — 53 хозяйства, 269 колонистов (включая уже и немцев-колонистов). Титулярный советник Рено в рапорте М.С. Воронцову от 11 февраля 1829 г. указывал 21 семейство, из них 3 семейства — вновь прибывшие (составлены посемейные списки). Начальником поселения был Л.В. Тардан, остававшийся в этой должности вплоть до 1829 г., когда управление поселением было поручено коллегиальному органу с мэром во главе.

Эксплуатировать полученную земельную площадь было делом довольно трудным. Ранний период истории Шабо характеризуется, прежде всего, напряженной борьбой переселенцев с новыми, для них совершенно чуждыми и трудными физическими условиями работы, они надрывались на работе, расчищая свои наделы. Им приходилось бороться с привычкой местных крестьян пускать скот после уборки урожая повсюду, не исклю-

*Цынут — административно-территориальная единица.

чая виноградников, а также с воровством и бандитизмом, столь естественным в этой глухой окраине с ее редким сравнительно населением, жившим в тяжелой экономической обстановке.

В июне 1823 г. Л.В. Тардан писал генералу И.Н. Инзову: "Постепенно мы восстанавливаем порядок, который нам необходим. Вот два требования, которые мы считаем необходимым узаконить. Первое касается растений и лоз, испорченных животными на территории Шабо, — категорически запретить выпас животных без пастуха и без особого разрешения под угрозой штрафа в один пиастр. Второе — запретить оставлять открытыми погребя, чердаки, а также оставлять фрукты на площадях и дорогах ночью".

Летом и осенью 1826 г. к М.С. Воронцову и бессарабскому гражданскому губернатору Тимковскому стали поступать жалобы от колонистов и от местных жителей. Колонисты в своих прошениях жаловались, что скот местных жителей портит им сады и виноградники. Местные жители — на "несносные от швейцарцев обиды и притеснения". Из прошения уполномоченных жителей с. Шабо Моисея Босенко и Степана Лафазана графу М.С. Воронцову от 28 июля 1826 г.: "...Недовольствуясь мирным жилищем, стреляет сам Тардан или недоросль его сын наш скот, а смотря на него, таким образом убивают и прочие его единоземцы и употребляют себе в пищу, штук до тридцати рогатого и разного скота побито!.. Полиция гонит нас на жительство в город...".

Тимковский поручил управляющему Аккерманской таможенной заставой коллежскому асессору Шалгину поехать в Шабо и выяснить на месте все обстоятельства. Шалгин признал жалобы местных жителей основательными, так как за короткий срок у них было убито самим Л.В. Тарданом 4 вола, 8 коров, 4 теленка, 7 свиней. Не отставали от Л.В. Тардана и другие колонисты.

Граф Ф.П. Пален, и. д. Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, в послании от 20 октября 1826 г. писал И.Н. Инзову о командировании в Шабо еще одного чиновника от попечителя колонистов. Чиновник встал на сторону колонистов. И.Н. Инзов докладывал Ф.П. Палену в ноябре 1826 г.: "...жалоба шабских жителей на Тардана, подстреливающего будто бы принадлежащий им скот, основывается на одном только происшествии подобного рода... что же касается до прочих несогласий, возникших между швейцарскими колонистами и шабскими жителями, то я уверен, что зачинщиками оных были шабские жители, и что таковые несогласия не иначе могут быть прекращены, как выводом из Шабы прежних жителей... шабские жители... беспокоивают и притесняют швейцарских колонистов... я покор-

нейше прошу... о побуждении прежних жителей... остающихся на прежнем месте своего жительства по одному непростительному упорству, к неотложному перемещению на избранное ими прежде сего предместье г. Аккермана, куда значительное число собратий их уже перешла на жительство".

Комитет министров, находя объяснения И.Н. Инзова "весьма уважительными", принял решение "жителей селения Шабы... переселить на отведенную им землю близ города Аккермана, назначив для сего переселения достаточный срок по взаимному соглашению местного начальства с колониетским управлением и определить им от сего последнего денежное вознаграждение как за жилища их, так и за начатое строение церкви...". Начались новые жалобы. В результате император Николай I распорядился оставить местных жителей в Шабо.

Из рапорта министра императорского двора генерал-адъютанта князя Волконского императору: "...приказано уездному землемеру... отмерить в натуре положенную пропорцию земли для шабских жителей по 30 десятин, а для швейцарских колонистов по 60 десятин по числу ныне состоящих семейств и, поставя вехи, показать в натуре тем и другим назначаемое для них пространство земли, дабы впредь не могло быть никаких споров...". Швейцарские колонисты в рапорте графу М.С. Воронцову изложили свои предложения по разграничению земли: предоставление половины или четверти водопоя для скота и песчаного берега, лежащего к северо-западу, пригодного для виноградарства, проведение рубежного канала для защиты от скота местных жителей, обозначить границы болота, на который притязают соседние помещики и отбирают большую часть камыша, предоставление 6-ти турецких садов, которые находились на их землях. Границы между землями колонистов и местных жителей были строго определены титулярным советником Рено в присутствии поверенных обеих сторон (доверенности хранятся в ГАОО) и старшин. Рено докладывал М.С. Воронцову от 8 ноября 1828 г.: "...разделении равными частями земли добровольно и по согласию обеими сторонами, как со стороны жителей, так и швейцарцев выбранной и выгодной во всех угодьях, признанной без преимущества в пользовании камышом и водою, обе упомянутые стороны ныне совершенно остаются довольны и впредь опровергать сего и прекословить ни за что не будут".

Чтобы обработать полученные земли, необходимо было обратиться к чужому труду, необходимы были чужие руки. Прилив новых поселенцев из Швейцарии протекал туго, да и не решал вопроса, так как прибывшие в большинстве случаев были хозяевами, а не рабочими. Чтобы не лишить-

ся данной колонистам земли, Л.В. Тардан пытался привлечь в Шабо швейцарцев из Одессы, торговцев и ремесленников, но это был обычно неподходящий элемент. Тогда была сделана попытка обращения через одесские газеты к русским помещикам, которым швейцарцы предлагали посылать в колонию на выучку молодых людей в возрасте от 14 до 18 лет сроком на 3 года, то есть швейцарцы хотели иметь учеников, которые являлись бы одновременно бесплатной рабочей силой, и приобщить местное население к европейской культуре земледелия и виноградарства.

Воззвание, однако, не имело успеха. Наоборот, заинтересованные в получении в свои руки знающих специалистов, русские помещики старались сами сманивать к себе на службу опытных иностранцев. Оставалось, таким образом, пользоваться силами, которые имелись на месте и рекрутировались из местной бедноты, но они были в слабо населенном Буджаке немногочисленны, особенно в раннюю эпоху его освоения. С другой стороны, швейцарцам пришлось столкнуться со своими русскими конкурентами и с нравами и методами местной администрации.

Тревоги Л.В. Тардана относительно возможности потерять часть отведенной поселенцам земли ввиду слабого притока их извне не замедлили сбыться. Уже в первые годы от них отобрали часть хорошей земли под Аккерманом и заменили ее наделом в степи. Администрация проявила излишний формализм, придирчивость и недобросовестность. Так, придравшись к тому, что аптекарь Берже не имел русского диплома, ему не разрешили открыть в Шабо аптеку и требовали, чтобы он подвергся специальному экзамену в Харькове, хотя на эту поездку у него не было ни времени, ни средств. В результате Берже вынужден был отправиться обратно в Швейцарию, а колонисты надолго остались без аптекаря. Основная масса колонистов была сосредоточена в Шабо. Лишь некоторые семьи переселились в Шаболат, Пуркары, Олонешты, Аккерман и другие места. В 1892 г. группа колонистов, состоявшая из молодежи, основала в Херсонской области, на берегу Днепра, новую колонию Основа. Несколько позднее другая группа образовала вторую колонию недалеко от Основы — Новая Шаба.

Так как колония Шабо была недостаточно заселенной, царское правительство в 60-70-е годы отдало часть земель немецким швейцарцам, которые, в конечном счете, составили половину населения колонии; численность ее в начале XX в. доходила до тысячи. По "Статистическому словарю Бессарабии" в 1924 г. в колонии Шабо было 90 семейств (436 мужчин и 505 женщин).

Окончание следует